

OVERWATCH®

КАМЕНЬ ЗА КАМНЕМ

АВТОР: CHRISTIE GOLDEN

КАМЕНЬ ЗА КАМНЕМ

СЮЖЕТ
CHRISTIE GOLDEN

ИЛЛЮСТРАЦИИ
NESSKAIN

ОБЛИК «МАРАММАТ» ДЛЯ СИММЕТРЫ
И ОРИГИНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН
ARNOLD TSANG

МОДЕЛЬ ОБЛИКА «МАРАММАТ» ДЛЯ СИММЕТРЫ
DONALD PHAN

ОРИГИНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СИММЕТРЫ
RENAUD GALAND

ВЕРСТКА И ДИЗАЙН
MARK BRYNER

ПЕРЕВОД:
СВЕТЛАНА ГРИБОВАЛЬ

КАМЕНЬ ЗА КАМНЕМ

— Неловко об этом спрашивать, — с надеждой произнес Санджай Корпал, — но не было ли там случайно какого-нибудь чудесного землетрясения?

На мгновение Сатья Вашвани подумала было, что это какая-то метафора, но нет. Санджай, один из лучших дипломатов корпорации Vishk r, говорил именно то, что имел в виду.

— Сейсмическая активность в этой зоне отсутствует как таковая, — ответила Харита Патель, главный геолог проекта. — Именно поэтому мы и выбрали для бурения данный участок. Если помните, я предупреждала, что...

— А может, все-таки было?

На Хариту было жалко смотреть.

— К сожалению, мы имеем дело с причинно-следственной связью в чистом виде. Разработка велась чересчур агрессивно. Мы слишком рьяно взялись за дело... Во всем виновата вибрация от усиленной конструкции. Местные... очень расстроены, сэр.

Санджай вздохнул:

— Мы так долго ждали случая там закрепиться. И такой провал сразу после Рио.

«Мы», разумеется, относилось к корпорации Vishk r, «там» означало неосвоенную зону за рекой в городе Рошани, а «провалом» было то, что Сатья видела сейчас перед собой.

Над столом парил небольшой голографический образ. Картинка то приближалась, то отдалялась, открывая взглядам собравшихся каменного омника, сидящего со скрещенными ногами на цветке лотоса. Руки статуи были сложены на груди в молитвенном жесте, а голова отсутствовала. Земля перед изваянием была усыпана обломками.

— Это не просто провал, — нервно заметил представитель отдела по связям с

сообществом Тамир Чада. — Из-за этого вся сделка может провалиться. Санджай прав — все это будет воспринято местными как оскорбление. Если мы не загладим свою вину, то с мечтами о дальнейшем освоении этой области можно попрощаться.

— К счастью, — Санджай повернулся к Сатье, — на службе у Vishk r состоит лучший в мире архитектор по работе с «жестким» светом. Твоя родная деревня мало чем отличается от Шуравасы, да, Сатья? Ты же не откажешься помочь этим беднякам?

Вопрос был риторический, и Сатья это прекрасно понимала.

— Если мы не отправим тебя туда в ближайшее время...

— Немедленно, — перебил его Тамир. — Это надо было сделать еще вчера!

—...то упустим представившуюся возможность. Мы должны подарить Шуравасе нечто очень ценное, чтобы они поняли, как мы сожалеем о том, что случайно повредили их реликвию.

«Мы нисколько не сожалеем», — подумала Сатья, но вслух ничего не сказала.

Она уже привыкла к тому, как Vishk r относится к другим.

— Ты немедленно вылетаешь туда, — продолжал Санджай. — Разузнай, чего они хотят. Построить им центр духовного развития? Выделить кругленькую сумму денег на починку? Если хотят, мы и сами все починим. Нам все равно, сколько они запросят — это капля в море по сравнению с тем, во что нам встанет потеря права на разработку.

Когда Сатья была моложе, фразочки вроде «капля в море» или «полный провал» ввели бы ее в состояние ступора. Какая капля? Какое море? Какой провал? Где все это? Но со временем она научилась, что называется, «плыть в потоке».

— Чья это статуя? — спросила она, кивнув на голограмму. Картинка вновь отделилась, демонстрируя сломанную шею и разбитую голову, и Сатья отвела взгляд. Чудовищное зрелище.

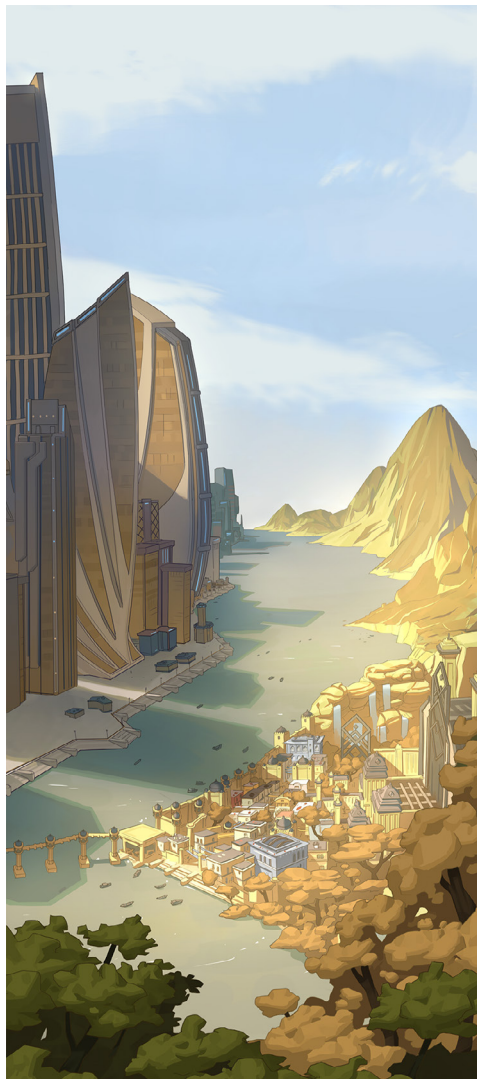
— Эм... — Санджай беспомощно посмотрел на Тамира.

— Авроры, — ответил тот, сверяясь с записями.

Аврора, первый разумный омник. Она принесла себя в жертву, чтобы передать дар самосознания другим.

— Это не просто какой-то знаменитый омник, — сказала Сатья. — Они не возьмут деньги. Мы должны придумать что-нибудь получше.

— Вот и придумай, — воскликнул Санджай. Он тепло посмотрел на нее и улыбнулся. — У тебя все получится. Главное, помни: мы на все согласны.

— Нам не нужны подачки от корпорации Vishk r, — резко бросил Сарпанч Ранеш Гревал, глава местного правительства Шуравасы. — Вы уже достаточно дел натворили.

Каким-то образом слухи о цели прибытии Сатьи дошли до местных жителей, и Гревал привел к ней на встречу маленькую негодующую толпу. Они стояли в выложенном плиткой дворе рядом с одним из входов в храм, коралловые стены которого отбрасывали плотные тени куда угодно, только не на гостью. Солнце палило немилосердно, а золотые купола храма сияли так ярко, что невозможно было смотреть. Лицо Гревала было искажено от гнева — как и лица тех, кто пришел с ним. Чуть поодаль стояло несколько омников. Хотя бы они на нее не кричали.

— Я хочу вам помочь, — сказала Сатья.

— Как? Построите нам светящийся небоскреб? Думаете, мы этого хотим?

— Я не знаю, чего вы хотите, — просто ответила она.

— Конечно, не знаете! — сердито крикнул кто-то.

— Vishk r на нас плевать, — раздался другой злой голос.

— Мне не плевать, — ответила Сатья. Образ обезглавленной статуи намертво

впечатался в ее сознание. — Можно мне хотя бы войти внутрь? — Сарпанч заколебался, и она добавила, — я думала, здесь всем рады.

Один из держащихся позади омников, облаченный в простые одежды, простер руку к храму. Сатья благодарно кивнула ему и миновала деревянные ворота. Злобные взгляды толпы буравили ей спину.

Солнечные лучи не проникали внутрь освещенного свечами здания, так что в нем было гораздо прохладнее. Бледные стены украшали барельефы с изображением рыб и тигров. Кое-где камни разрушились от землетрясений и осели. Стены и потолок были испещрены трещинами.

В воздухе витал тонкий приятный аромат. Создавалось такое ощущение, что его источали сами камни. Благовония. Этот запах на мгновение вернул ее в детство, единственным приятным воспоминанием из которого были периодические поездки в такие же мирные храмы — настолько нечастые, что она о них почти забыла.

— Вы правда не знаете, чего мы хотим, — голос был металлическим и совершенно точно не принадлежал человеку. Некоторые звуки резали ухо, но общий тон был успокаивающим. К Сатье подошел тот омник, что разрешил ей войти в храм. — Чтобы понять, чего хочет кто-то другой, надо сперва узнать его получше.

— Вы здесь служите? — спросила омника Сатья.

— Нет, я всего лишь паломник. Меня зовут Дзенъятта. То, что Vishk r решила взять на себя ответственность за случившееся, очень благородно. Но их помощь ничего не значит, если она... никому не приносит пользы.

— Мне бы очень хотелось, чтобы она все-таки ее принесла.

Они следовали по коридору.

— Если хотите, я помогу вам понять мой народ, наши нравы и обычаи. Мы будем рады вас принять.

— Принять? Здесь? — это прозвучало куда резче, чем ей хотелось бы. На Сатью нахлынули воспоминания о нищете, в которой она провела детство. Вонь, толпы народа, вечный голод, грязная вода, которую им приходилось пить.

И ее родители ровным счетом ничего не могли с этим поделать.

— Да, здесь, в храме, — ответил Дзенъятта. — Мы принимаем всех паломников.

— Но я не паломница, — возразила Сатья, — я архитектор.

Она приехала сюда по работе, и было бы неплохо, если бы они об этом не забывали.

Он пожал металлическими плечами.

— Кто есть паломник, как не существо, стремящееся к святыне? Не имеет значения, как вы это назовете. Сатья Вашвани, вы хотите остаться здесь?

От такого приглашения Сатью захлестнула волна тревоги. Ее жизнь состояла из череды повторяющихся ритуалов, дававших девушке ощущение порядка и спокойствия. Даже в отелях она выделяла время на то, чтобы побыть одной и заняться привычными делами.

Дзенъятта продолжал:

— У вас репутация отменного архитектора жилых зданий, госпожа Вашвани. Не стоит стыдиться того, что вы не понимаете истинного назначения этого храма. Путь каждого из нас начинается с невежества.

Сатья не могла с этим поспорить. Ей было кое-что известно об Авроре, но этим знаниям не хватало глубины. Ей хотелось послушать омников. Когда Санджай предложил построить для них духовный центр или просто откупиться деньгами, она сразу почувствовала, что это не сработает. Но попытка отказать ему тоже не сработала бы.

— Я... попробую, — произнесла она.

— Все великие свершения начинаются с простого желания попробовать, — заметил Дзенъятта.

Коридор вывел их на симпатичную извилистую дорожку. Растущие по обеим сторонам деревья давали густую тень. К ним подошел омник-монах и вежливо кивнул Сатье, а затем поклонился Дзенъятте.

— Мир тебе, Текхарта, — сказал он и пошел дальше.

Сатья повернулась к своему спутнику.

— Всего лишь паломник? — удивленно произнесла она. — А такое ощущение, будто вы здесь всем заправляете.

— На самом деле никто не заправляет ничем, — рассмеялся он металлическим

смехом. — Я вернулся сюда лишь недавно и собирался медитировать на знания, переданные мне моим учителем Текхартой Мондаттой. Но наша с вами встреча наводит на мысли, что мне уготовано иное предназначение.

Сатья задумалась:

— Я слышала о Мондатте. Его убили.

— Да, — ответил Дзеньятта. Казалось, ее прямолинейность его несколько не смутила.

— До его гибели я даже не знала, что омники могут умереть. Вы же машины. Я думала, вас можно починить.

— В теории — да. Однако душа — омника ли, человека ли — починке не поддается.

«У омников есть душа?» Сатье надо было это обдумать. А пока она решила вернуться к Мондатте.

— Зачем кому-то понадобилось его убивать? Я не понимаю. Он ведь никого не подстрекал к насилию.

— Более того, он его порицал. Многие — и я в том числе — считают, что его смерти хотели те, кто не одобряет наведения мостов между людьми и омниками.

— Наведения... ясно, — протянула она. — Я подумала о настоящих мостах.

— Сначала я тоже воспринимал все буквально. Несмотря на то, что омники так же разумны, как и люди, ваш мыслительный процесс сначала казался мне очень странным. Что значит «от сердца оторвать» или «быть заикленным на чем-то»? Ведь человеческое сердце состоит из плоти, а не из металла, как от него можно что-то оторвать? Разве в человеческий мозг заложена программа, в которой может запуститься бесконечный цикл? Довольно долго мой разум рисовал преинтереснейшие картины!

Сатья рассмеялась и призналась омнику:

— Со мной до сих пор такое иногда случается.

Он склонил к ней свою блестящую голову и заговорщицки прошептал:

— И со мной.

Тропа завершалась ступеньками, ведущими к большой крытой площади.

Похоже, они вышли к центральному алтарю.

Помост, на котором стояла статуя, был окружен небольшим прудом с дорожками, ведущими прямо к фигуре. Другие паломники — в основном омники, хотя среди них попадались и люди — сидели на подушках в том же положении, что и статуя. Если точнее — в том положении, в котором она когда-то находилась.

Сатья стало неловко. Одно дело — смотреть на обломки на маленьком голографическом изображении из чистого, практически стерильного зала для заседаний корпорации Vishk r, и совсем другое — видеть их собственными глазами. На земле лежали огромные руки и обломки колоссальной головы. Сатья вдруг поняла, что она прибыла сюда слишком быстро, и команда уборщиков еще не успела приступить к своим обязанностям.

— Вам, наверное, очень больно видеть свою богиню в таком виде, — сказала она.

— Аврора вовсе не богиня, — мягко поправил ее Дзеньятта. — Она ничем не отличалась от нас. Просто была первой.

Сатья попыталась сконцентрироваться на лице статуи и не обращать внимания на пыль и разруху вокруг.

— Вы ей не молитесь?

— Нет, — ответил Дзеньятта. — Мы размышляем о ее жизни... и смерти.

Мы благодарим ее за жертву и за дар, который она нам поднесла. Эта статуя давала прекрасное представление о ее внешнем облике, но не о характере. Авророй двигало

любопытство. Она жаждала учиться. Познавать мир и тех, кто его населяет.

— Она хотела понять, что делает людей... людьми, — подхватила Сатья.

Дзенъятта кивнул.

— Первым было сложно в этом разобраться. Да и нам порой бывает непросто.

Все омники видят в ней частицу себя.

«Я тоже, — подумала девушка, но ничего не сказала. — Каково пришлось омнику, который первым из своего вида обрел разум? Что она испытывала, пытаясь осознать... все происходящее?»

— Полагаю, это была практически непосильная задача, ведь Аврора не могла опереться на опыт предыдущих поколений. Ее — ваш — образ мышления наверняка сильно отличается от нашего.

— Людям не обязательно понимать чей-то образ мышления, чтобы уважать и даже любить его, — заметил Дзенъятта, — или быть ему другом. В этом храме Аврору приняли такой, какая она есть. Никто не пытался ее судить.

— Но... она решила уйти.

— Да, — в металлическом голосе омника послышалась грусть. Он печально опустил голову. — Аврору ждала иная судьба. Ей предстояло отправиться в путешествие, которое после нее совершили тысячи и тысячи. Вы знали, что этот храм теперь является первой остановкой на пути паломников, которые следуют по ее стопам?

— Нет.

— Аврора совершенствовалась, открывая для себя новые места и знакомясь с новыми людьми. Мирской путь привел ее в Непал; духовный — к самоотречению. Она была готова пожертвовать собой, лишь бы только у других омников тоже появился шанс испытать то же, что испытала она.

— Вы хотите сказать... она не знала, сработает ли это? — удивилась Сатья.

Принесение себя в жертву ради блага других всегда считалось проявлением благородства духа. Однако то, что Аврора выбрала этот путь наудачу, зная, что любой исход неминуемо приведет к гибели, делало ее храбрее величайших из известных девушке храбрецов.

Дзенъятта покачал головой.

— Никто не знал наверняка. Она могла погибнуть во время эксперимента... и

вместе с ней погибли бы все мечты о том, чтобы заронить искру сознания в разум других омников. Полагаю, теперь вы лучше понимаете, почему мы так страдаем от того, что из-за разработок вашей компании разрушилось ее изваяние.

— Vishk r работает на всеобщее благо, — машинально выпалила Сатья. — Я участвовала в проектах, которые облегчили людям жизнь, подарили им кров, чистую питьевую воду, медицинский уход...

«...Роскошные санатории. Эксклюзивные клубы. небоскребы, высота которых сопоставима лишь с высотой цен на квартиры в них...»

— Не сомневаюсь, — ответил Дзенъятта. — Однако помощь бывает разной.

— Нам важно, чтобы вы были счастливы, — она на всякий случай решила озвучить идеи Санджая. — Хотите, мы построим для вас центр духовных практик? Или новый храм?

— Мы, конечно, рады всем, — проговорил Дзенъятта, глядя не на нее, а на загубленную статую, — но на жизненном пути мне довелось посетить слишком много прекрасных, истинно благословенных уголков, которые из святынь превратились в приманки для туристов. Кому суждено прийти, придет. Тропа будет сама ложиться к ним под ноги с каждым шагом, камень за камнем. Что же до нового храма... нам и этот еще послужит. В новизне есть запал, но в древности таится мощь, Сатья, — сколь бы хрупкой эта древность ни казалась. В глубокой медитации до нас долетают отзвуки мириад голосов, что звучали в этих стенах не одну тысячу лет.

«Вдохни аромат благовоний, с любовью прошедших через множество рук».

Мягкий звон вывел девушку из раздумий.

— О! — воскликнул Дзенъятта. — Пора полуденной трапезы. Лучшего времени для начала вашего визита и придумать нельзя... — он склонил голову, внимательно вглядываясь ей в лицо. — Мне очень жаль, что мое предложение нарушает ваше душевное равновесие. Ежедневные хлопоты успокаивают нас и создают ощущение важности всего, что мы делаем.

— Как мне это знакомо... — заметила Сатья и, спохватившись, предельно вежливо добавила, — только у меня свои хлопоты, разумеется.

— То, что вы готовы терпеть неудобства ради высшей цели, дорогого стоит.

Быть может, наши каждодневные обряды не покажутся вам такими уж странными? Они несложны и занимают тело, одновременно с тем питая дух и разум. Однако для начала вам стоит поесть.

Войдя в трапезную, Сатья остановилась. Ароматы тамаринда и куркумы, зиры и кардамона — а также множества других пряностей вперемешку с благовониями, пропитавшими храм — слились в аккорд, вызвавший в ней мощный приступ ностальгии. Вегетарианская пища была незатейлива, но вкусна: рис, овощи, сыр, молоко. Разумеется, сами омники в трапезе не участвовали, однако их еда была великолепна.

— Как это у вас получается? — спросила она Дзеньятту. — Ведь вы не различаете вкусов.

— Как оказалось, в некоторых традициях монахам запрещено пробовать пищу во время ее приготовления. Вместо этого они медитируют, пытаясь понять, какие блюда подать к столу. Так и у нас: монахи-омники изучают местные продукты и то, как их воспринимают люди. Кроме того, мы всегда просим совета о том, что из них лучше приготовить.

— Если так, то меня поражает, что при всем этом вашу стряпню вообще можно есть.

— Так же говорили и наши первые гости, — ответил Дзеньятта и рассмеялся. Ей нравился его смех, его способность смеяться над собой и абсурдностью окружающего мира.

— Расскажите мне еще о вашей вере.

Он склонил голову.

— Как вы уже знаете, Аврора хотела увидеть мир и отыскать в нем свое место. Узнать, кто она такая.

— Многие религии основаны на поиске просветления, — заметила Сатья.

— Начало этого пути — в нашем сердце. Принеся себя в жертву, Аврора превзошла эту реальность, этот способ бытия, и мы стремимся повторить ее путь в медитации.

— Что с ней случилось?

Дзеньятта ответил не сразу.

***“МЫ КУДА СПОЖНЕЕ,
ЧЕМ ОДНО ПРОСТОЕ
СУЩЕСТВО.”***

— Мало кому удалось увидеть это собственными глазами, а со временем завеса тайны, окружающая это событие, разумеется, лишь сгустилась. Говорят, Аврору поглотило яркое золотое сияние. Она пересекла границу бытия. Все мы стремимся к этому состоянию, к этому уровню бытия... мы называем его Сферой. В ней все мы — единое целое.

— Как-то в голове не укладывается. Такие вещи очень сложно понять.

— Когда-нибудь поймете. После еды я покажу вам еще кое-что.

Покончив с трапезой, Сатъя проследовала за Дзеньяттой в освещенное свечами храмовое помещение, стену которого украшал барельеф, изображавший Трансцендентность Авроры.

Сатъя не могла оторвать от него глаз. В отличие от статуи, у омника на барельефе было восемь рук: две она прижимала к сердцу в знак любви и почтения к себе и вселенной — жест, общий для многих культур. Остальные руки простирались к нескольким небольшим сферам, и одна большая сфера была расположена за фигурой. Сатъя с любопытством провела кончиками пальцев по холодному грубому камню.

Омник наклонился вперед и нежно коснулся изображения Авроры.

— Из единства произрастает множество, — он указал на восемь рук. — Мы куда сложнее, чем одно простое существо. Однако и множество... — его палец вновь указал на сидящую фигуру, — может слиться в одно.

— В Сфере вы все едины, — прошептала Сатъя.

— Именно.

Закончив с делами, Сатъя отправилась за провожатыми в один из маленьких домиков, построенный у большого пруда с лотосами на открытом пространстве у храма. Ей выдали простую спальную циновку и сложенную храмовую одежду. Она долго смотрела на сверток. Сегодня многое изменилось, и ей хотелось сохранить хоть какой-нибудь контроль над положением. Храмовые традиции чтить необходимо, и все же ей не хотелось переодеваться. К тому же она уже сказала Дзеньятте, что осталась не ради

паломничества.

Впрочем, золотой и оранжевый цвета радовали глаз, а материал был приятен на ощупь. Сатья сдалась.

На следующее утро она вошла в святилище, где ее уже ждал Дзенъятта. Он тепло поприветствовал ее.

— Я рад, что вы решили облачиться в рясу, — сказал он.

— Мне не очень хотелось, — ответила Сатья, — но я решила, что этим докажу свою готовность помочь.

— Ах, в ней я ни на миг не сомневался.

Дни потекли размеренной чередой, которая вначале показалась Сатье весьма тягостной. С утра она вместе с паломниками помогала приводить в порядок главное святилище — подбирала каменные обломки и подметала пол. Ей сообщили, что команда рабочих прибудет через пару дней, чтобы убрать крупные глыбы.

Наконец то, что осталось от статуи, омыли водой, а пол в святилище усеяли цветами. Паломники позавтракали и расселись на подушках. В первый день в храме Сатья подумала, что сейчас ее заставят медитировать — раньше она уже пробовала этим заниматься, но эта практика давалась ей с трудом. К ее удивлению, каждому паломнику раздали металлические шарики, помещавшиеся в ладонь.

— Это сферы, которые помогают нам обрести ясность сознания, — пояснил Дзенъятта.

— Как на барельефе, — отметила девушка.

Он кивнул:

— Для вас, думаю, подойдет... сфера восприятия.

— Чтобы я лучше поняла ваши нужды?

— Мм-м... — протянул он, ни соглашаясь, ни возражая. — Переложите сферу из одной руки в другую. Сосредоточьтесь на ее тяжести, на своих ощущениях. На том, как она движется.

За медитацией последовал обед, затем обычные храмовые хлопоты, еще одна медитация со сферами и наконец отдых.

За несколько дней тело Сатьи привыкло к тонкой циновке на полу. Ряса также

стала казаться более удобной и привычной, ее мягкое прикосновение больше не раздражало кожу. Когда на девушку накатывала тревожность и ей хотелось сменить положение или чем-то занять руки, она принималась перекатывать сферу между ладонями. Ее аппетит удивительным образом улучшился, и она не преминула сообщить об этом Дзенъятту.

— Просто вы больше внимания стали уделять пище, — ответил он, — равно как и проведению ритуалов, медитации на сферу, храмовым заботам... — он хихикнул, — и нашим беседам.

На четвертый день они с монахами отправились в деревню, чтобы приготовить еду для нуждающихся. Поливая ароматные горки риса чечевичным соусом, Сатья отмечала, как Дзенъятта и другие омники общаются с жителями. Те, казалось, были искренне им рады. Тут и там заводились беседы: о храме, о Сфере, о жизни друзей — именно так местные воспринимали монахов. Сначала в сторону Сатьи бросали хмурые недоброжелательные взгляды и колкие замечания, явно предназначавшиеся для ее ушей.

Дзенъятта услышал их и просто встал рядом с ней. Он ничего не говорил, лишь взял вторую ложку и тоже начал раскладывать еду по тарелкам. Взгляды смягчились. Девушку не слишком трогали выпады в ее сторону, но она была благодарна омнику за безмолвную поддержку.

После вечерней медитации на сферы Дзенъятта попросил Сатью остаться. Девушка заерзала на подушке: каждый раз, глядя на обломки статуи, ей хотелось сделать с этим хоть что-нибудь.

— Сегодняшняя работа была вам в радость? — спросил Дзенъятта.

— Да, — ответила она. — Хотя это ужасно, сколько вокруг голодных людей.

Ей снова вспомнилось детство.

Дзенъятта скорбно кивнул и вздохнул.

— А вы заметили, что они делали, пока ели? И после трапезы?

— Разговаривали. Делились новостями. Смеялись...

В этом мире было довольно поводов для страха. Возмущения. Злости. И все же они смеялись.

— Наша пища приготовлена с тщанием и предложена от чистого сердца. Им не нужно платить за нее или принимать нашу веру. Мы просто создаем связь между людьми, — он указал на статую. — Мы занимаемся этим с тех самых пор, как сюда пришла Аврора.

— Их... питает что-то еще, — вслух размышляла Сатья. Сфера восприятия перекачивалась из ладони в ладонь, не поспевая за ускользающей мыслью. — Не только еда.

— Есть множество способов напитать страждущего, Сатья.

— Но еда важнее всего, — практичным тоном возразила она.

— Разумеется, — согласился омник. — Позаботься о теле, и разум освободится. Откроется. Приготовится к познанию и развитию.

Сфера, которую она держала в руках, была удивительно гладкой. Она опустила глаза, чтобы взглянуть на нее.

— У архитекторов «жесткого» света... В общем, мы собираем воедино все, что чувствуем, и воплощаем в реальность. Многие оттачивают свои движения до совершенства. Доводят до абсолюта. Я ценю такой подход. Но в то же время... Мне всегда было сложно усидеть на одном месте, — сфера мерно перекачивалась из одной ее ладони в другую. — Когда я творю... я использую движения катхака. Если в детстве я начинала нервничать, то танец помогал мне успокоиться. И медитация на нее, — она указала на сферу, — действует на меня так же.

Сатья избегала встречаться глазами с паломником; она редко открывала кому-либо столь интимную сторону своего ремесла.

— Разумеется, — поправилась она, — я использую те движения, которые помню. И мое исполнение далеко от совершенства.

— И все же вы танцуете, чтобы вплести новые волокна в поток света, — отвечал Дзеньятта. — Сатья, вы подчиняете реальность своей воле, чтобы творить искусство, у которого есть цель. Безупречное искусство бесплодно. Подлинное искусство, как и любая подлинная вещь... небезупречно и превосходно в своей неправильности. Как и все мы.

Он продолжил говорить, и в его металлическом голосе слышалась теплота:

— Есть такое направление в японской философии красоты, называется ваби-

саби. Если коротко, оно заключается в том, что несовершенство должно принимать и ценить. Сама природа несовершенна. И, разумеется, искусству пристало быть таким же. Есть даже отдельный вид искусства, берущий начало в этой философии: кинцуги. Это слово означает «золотая заплатка». Осколки разбитых керамических изделий собирают и заново скрепляют золотом...

Их взгляды встретились.

— Кинцуги заставляет нас начать думать по-другому. Вместо того чтобы выбросить разбитую вещь, возрадуйся. Ваша страсть к работе выводит архитектуру за рамки обыденного строительства. Без изъянов дом превращается в здание. Изъяны же и приятные мелочи делают из него домашний очаг. Даже если вы танцуете не по канонам, в воображении и вдохновении нет ничего, что противоречило бы вере. Напротив, они — ее воплощение. А вообще, есть даже легенда о том, что всю эту вселенную некогда станцевали.

Когда Vishk r выбрала Сатью для обучения на архитектора «жесткого» света, та была еще слишком мала, чтобы разбираться в вопросах веры и религии. И то, что сейчас говорил ей этот омник... ох, как бы ей хотелось, чтобы его слова достигли ее ушей раньше.

— Как прекрасно, Сатья, — в голосе Дзеньятты была теплота, граничащая с восторгом. — Как благостно, что именно вы пришли сюда исцелить святыню. Вы уже прикоснулись к ее сердцу.

Еще никогда Сатья не чувствовала такого глубокого понимания. Оно было хрупким и одновременно невероятно сильным. Ей хотелось кричать, хохотать, танцевать, рыдать и петь, но она хранила молчание. Вместо этого девушка лишь сморгнула слезы, поклоном поблагодарила Дзеньятту и перевела взгляд на обломки статуи, продолжая перекатывать сферу восприятия из ладони в ладонь. Теперь она понимала, почему из всех сфер паломник выбрал для нее именно эту. Восприятие в самом деле означало понимание... но чувственное, иррациональное. Гладкая поверхность сферы. Запах благовоний. Вкус с любовью приготовленной пищи. Приглушенный звук голосов. Красота, радующая глаз.

— Кажется, — пробормотала она, — я знаю, что делать. Но не уверена, что времени хватит. Нам нужно начать немедленно.

— Нам?

— Да. Нам! — ответила она и вдруг поняла, что улыбается.

Почти все оставшееся время своего пребывания в храме Сатья посвятила подготовке к тому, что Санджай называл «срывом покрова», хотя никакого покрова и не было. Одеваясь для важного события, она машинально потянулась было к сине-белой корпоративной униформе, в которой прибыла сюда, и остановилась, рассматривая золотисто-оранжевую рясу, служившую ей облачением все эти дни.

Дзеньятта ожидал ее, чтобы сопроводить во внутренний двор, и очень удивился, когда она вышла.

— Но... вы же не паломница, — кивнул он на храмовую одежду.

— «Кто есть паломник, как не существо, стремящееся к святыне?» — напомнила она его слова. — Я и правда не собиралась паломничать. И все же я здесь. И это... — она указала на рясу, — одежда женщины, которой открылось житие Авроры. Я хочу, чтобы общество, для которого я буду творить, видело меня именно такой. Может быть, в дальнейшем этот образ распространится и на другие сферы моей жизни. Вы показали мне, что это мир наполнен святынями, хоть на первый взгляд они и кажутся самыми обыденными вещами. А еще он полнится знаниями, стоящими того, чтобы их постичь, особенно под началом хороших учителей.

Сатья даже не думала, что когда-либо научится распознавать неуловимые признаки эмоций омников. Однако она ощутила — другого слова не подобрать, — что Дзеньятта глубоко тронут.

Они стояли в том же дворике, где староста Ранеш Гревал оставил Сатью неделю назад. Он и сейчас был здесь — как и монахи, паломники, селяне и прочая публика. И он по-прежнему не слишком ей доверял.

— Ну что, — раздался дружелюбный голос, — никаких центров духовного

развития?

Сатья обернулась, удивленная тем, что Санджай лично прилетел на ее выступление.

— Увидишь, — ответила она.

Он недоверчиво прищурился, но кивнул.

— Ладно. Если что-то пойдет не так, Тамир будет на подхвате.

— Не думаю, что нам понадобится его вмешательство.

— Не бывает такого, чтобы у кого-нибудь не возникло проблем хоть с чем-то, ты же знаешь.

Он был прав, но Сатью ничто не могло взволновать.

— Я тщательно исследовала вопрос и уверена в выборе дизайна, — она повернулась к толпе. — Следуйте за мной.

Они прошли по коридору — зрители перешептывались, замечая золотые прожилки на стенах и потолке там, где раньше зияли трещины и дыры. Выпавшие куски, сколы, разломы, прорехи в ткани строения были заполнены и скреплены светящимся медовым веществом. Не так, чтобы скрыть швы — напротив, чтобы выставить их на всеобщее обозрение.

«Кинцуги. Золотая заплатка.

В новизне есть запал, а в древности таится мощь.

Кровь в венах. Электрический поток. Сухожилия, скрепляющие все сущее».

По пути к святилищу никто не проронил ни слова. Дойдя до входа, Сатья остановилась и набрала в грудь воздуха.

— Корпорация Vishk r в полной мере принимает на себя ответственность за урон, ненамеренно причиненный этому храму, — начала она. — Текхарта Дзенъятта предложил мне пожить здесь и побольше узнать об истории и религии омников. Об Авроре. Вы наверняка уже успели заметить, что я укрепила стены. Теперь же позвольте мне представить вам мое видение омников, жителей Шуравасы, Авроры и ее святилища.

«Мое видение Мондатты. Искусства.

Мое видение... себя самой.

В Сфере мы все едины».

В каком-то смысле за эти несколько дней она тоже слилась с другими в едином порыве. Ей не удалось бы восстановить статую Авроры в одиночку. Сатье пришлось поговорить с рабочими, которые приехали, чтобы убрать огромные каменные глыбы, и убедить их вместо этого помочь ей вернуть обломки на полагающееся им место. Рабочие, монахи и пилигримы работали как один, пока ее «жесткий» свет вновь скреплял то, что было разрушено.

Они решили не делать новую статую. Они просто преобразовали старую.

Жидкое золото сияло в лучах солнца. Между огромными глыбами камня, образовавшимися из-за неосмотрительности Vishk r, потекли светлые ручейки. Там, где шедшая соединялась со склоненной головой статуи, теперь переливалось янтарное ожерелье. Благодаря «жесткому» свету складки одеяний встали на нужные места, а на сжатых в молитвенном жесте ладонях вновь появились гибкие пальцы.

Концепция единства Сферы поразила Сатью, однако история трансцендентности Авроры тронула ее до глубины души. Она еще не закончила. Девушка подняла руки, сосредоточилась и приступила к работе.

Чуткие пальцы словно нащупали что-то в воздухе и потянули за невидимую нить.

«Сфера, перекачивающаяся из одной ладони в другую.

Смена восприятия».

Сатья сжимала в пальцах тонкую полоску золотистого света и неторопливо сматывала ее в сияющий клубок, думая обо всех чудесах, что познала в свое время Аврора; о ее смятении, неловкости и о великой любви, что заставила первого омника положить свою уникальную драгоценную жизнь на жертвенный алтарь ради счастья других. Сатья тоже положила себя на алтарь — алтарь искусства, алтарь страсти — и полностью отдалась танцу созидания.

Теперь она двигалась быстрее. Вот восемь сферок — по одной на каждую из изящных рук, похожих скорее на золотистые тени, и две над головой. Нижняя пара рук опущена: чтобы поддерживать других. Средняя — широко разведена: чтобы благословлять и привечать путников. И еще две руки сложены над головой в знакомом молитвенном жесте. Единство.

А теперь финальный аккорд.

Нити света, появляющиеся у нее из-под пальцев, стали настолько тонкими, что казались почти прозрачными. Она набрасывала их на статую, и они без труда проходили под ее тяжелым основанием. Кольцо за кольцом, вспыхивающие на солнце полоски заключали изваяние в сияющий шар. Сатья вскинула руки, и толпа ахнула, когда массивная статуя отделилась от пьедестала в виде цветка лотоса и воспарила в полупрозрачной золотистой сфере, сотканной из «жесткого» света.

Девушка глубоко вздохнула и опустила руки.

В святилище стояла мертвая тишина... а затем все разом начали переговариваться. Каждый хотел подойти к парящей статуе поближе; свет от окружающей ее сферы золотил их лица.

— Госпожа Вашвани? — она обернулась и увидела улыбающегося Сарпанча Гревала. — Я должен попросить у вас прощения. Я был резок в своих суждениях. Вы создали совершенство.

— Напротив, — возразила Сатья. Она вежливо кивнула ему двинулась вперед, сквозь толпу, а он ошеломленно смотрел ей вслед. В святилище становилось слишком тесно.

Дзеньятта ждал ее у входа. Он протянул ей небольшую коробочку, от которой исходил тонкий аромат — благовония.

— На память о нас.

— Спасибо, — с благодарностью произнесла она. — Это лучший подарок для меня.

— Вам здесь всегда рады, — сказал он ей, а затем добавил подошедшему к ним Санджаю. — Каждый рассвет — это новая возможность выбрать свой путь. Надеюсь, теперь в корпорации Vishk r это поймут, — и он с поклоном удалился во двор.

Санджай проводил его взглядом, после чего повернулся к Сатье.

— Должен сказать, твой выбор меня удивил.

— Ты разочарован?

Он нахмурился и покачал головой; он не злился, нет — скорее, не мог поверить в случившееся.

— Отнюдь. Я поручил тебе дать им то, чего они хотят, и ты... сделала это. Прекрасная работа, Сатья. Идеальное исполнение. Только почему ты взяла желтый свет? Почему не синий?

— Потому что так мне описали момент, который я хотела запечатлеть. Кроме того... синий — очень красивый цвет, но он холодный. А этот храм посвящен наивысшему проявлению любви. Любовь — теплое чувство.

Теперь люди смотрели в их сторону и улыбались. Это не укрылось от Санджая.

— Кажется, ты им понравилась. Будешь скучать?

— Буду. Мне было приятно находиться среди тех, кто думает почти так же, как я, — призналась Сатья, — но мне преподали один ценный урок: не обязательно понимать чей-то образ мышления, чтобы уважать его.

«Или быть ему другом».

— Мне хватит уже просто того, что этот храм существует.

«Тропа будет сама ложиться к ним под ноги с каждым шагом, камень за камнем».

Она посмотрела на Санджая:

— Вот как мы должны работать. Проявлять уважение. Приходить с открытым

сердцем. Пытаться понять... и быть понятыми. Vishk r может сделать для местных жителей столько добра... надо только делать его правильно.

Санджай Корпал озадаченно смотрел на сияющую статую, которая одновременно осталась точно такой же, как раньше, — и полностью изменилась.

— Полагаю, — с ноткой удивления в голосе тихо ответил он, — ты права.

КАМЕНЬ ЗА КАМНЕМ

BLIZZARD[®]
ENTERTAINMENT

© Blizzard Entertainment, 2020 г.
Все прочие упомянутые здесь товарные знаки являются собственностью
соответствующих владельцев.